ДИАНА Н. ШАРАПОВА

ВЗРОСЛАЯ СКАЗКА о 90-х в двух вариантах

Диана Шарапова

Взрослая сказка о 90-х в двух вариантах

«Издательские решения»

Шарапова Д.

Взрослая сказка о 90-х в двух вариантах / Д. Шарапова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932641-6

В первом тексте взгляд из 2018 года. А во втором по памяти, как виделось тогда. В основе обоих вариантов моя рукопись. Этот период жизни запомнился как голодный, оборванный и весёлый.

ISBN 978-5-44-932641-6

© Шарапова Д.
© Издательские решения

Содержание

ДЫРКА ОТ БУБЛИКА ВМЕСТО РЕСПУБЛИКИ 6
Пролог 6
Часть 1 7
«Наследник» 7
«Мятежник» 7
«Мятежник» 8
«Наследник» 9
«Мятежник» 10
«Двое» 10
«Мятежник» 10
«Двое» 11
«Культура» (Народное название – Тилигенция) 12
«Наследник» 12
«Двое» 13
«Мятежник» 13
«Двое» 14
Часть 2 15
«24-ая квартира» 15
«Двое» 15
«Наследник» 15
«Двое» 17
«Мятежник» 18
«Двое» 18
«Двадцать четвёртая квартира» 19
«Двое» 19
«Наследник» 20
«Двое» 21
«Мятежник» 21
«Двое» 22
«Двадцать четвёртая квартира» 23
«Наследник» 24
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Взрослая сказка о 90-х в двух вариантах

Диана Шарапова

© Диана Шарапова, 2019

ISBN 978-5-4493-2641-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДЫРКА ОТ БУБЛИКА ВМЕСТО РЕСПУБЛИКИ

Страна, которая может быть спасена только каким-нибудь героем, не сможет долго так существовать, даже при помощи этого героя; более того, она не заслуживает, чтобы её спасали. Бенжамен Констант.

Пролог

Прокурор: Из показаний отца обвиняемой, гражданина одной республики некоего философа, явствует, что она, Великая Октябрьская Революция съела своего ребёнка, гражданина Канибуту Николая Сергеевича. За что я требую её казни, и извлечения генов Революции из генома навечно.

Судья: Обвиняемая Революция, Вы признаёте свою вину?

ВОР: Нет, никогда. (Её перебивает Адвокат.)

Адвокат: Господин Судья, я прошу слова!

Судья: Предоставляю слово защите.

Адвокат: По идее об этом нужно бы написать книгу (Здесь трансляция заседания суда прерывается).

Более длинный вариант сказки. С сохранением рукописного текста ещё ближе к оригиналу. Так, как видится теперь в 2018 году.

***

Параллели – не цитаты, а удачно подобранные слова других писателей.

Пересечения – это фразы из телевизора или радио, слабо связанные с текстом. Они по значению обратны параллелям.

В этом своеобразном телевидении пять каналов. По ним идут сериалы.

– «Наследник».
– «Мятежник».
– «Двое».
– «Двадцать четвёртая квартира».
– «Культура» (Народное название – Тилигенция).
– «24-ая квартира»

Невидимая рука автора переключает каналы по своей прихоти. Герои порой не соблюдают установленных рамок, скачут из одного сериала в другой

Часть 1

«Наследник»

Первый джентльмен из всех других джентльменов моей республики в частности, то есть что касается его лично, бредёт себе вдоль тротуара. Разбитые фонари сменяются иной раз целыми. Да и сам он пребывает не в лучшем виде. Ничего такого, ни тошноты, ни опухания лодыжек. Перемены в судьбе, значимые. Вчера лишился он трона, бросила семья. В царских покоях презентации, собрания, съёмки, коротко в одно слово – разорение. Его самого там только, к сожалению, не достаёт, а тоже откусил бы клещами от постамента любимого амурчика с мраморной лестницы.

Король он, самое начало, был не злой даже симпатичный широким массам, но получилось так, что раз-два-три и сняли. Хорошо хоть не убили. Взяли, что надо, а убийства не случилось. Будто и не столь оно было необходимо, как в незапамятные времена.

– Вот, вы и показали своё истинное лицо! – с визгом в голосе невысокого тембра выкрикнул он операторам, а через их рабочий инструмент свободным по глотку гражданам моей республики. В этот час его выступление смотрят («прямую трансляцию ухода») только жители крайних климатических зон.

Скамья на остановке блестит от дождя. Сидит на ней, мнёт её пальцами не простой гражданин, но уже не главный, а просто, пожилой 66-летний мужчина. Некому встать за спиной с зонтом. Его коллега сказал бы, что это не по-королевски как-то.

«Мятежник»

Никто не приглашает вас сидеть в тюрьме. Поставьте кирпич на кирпич и загляните сквозь решётки с улицы. Прислушайтесь. Это новая пристройка. В тишине чётко раздаются шаги. Фоном для торжественной поступи слышна ещё походка с боку на бок, её звуки неясные лишены красивого ритма. Шаги принадлежат узнику, несерьёзному, склонному к работе на публику молодому человеку. Кончился солнечный тёплый день 29-ое октября. Дверь скрипнула не хуже флейты, а человек, которого толкнули в спину, подумал: большая капля чистого горного хрусталя скинута вандалами с крыши пятого этажа. Эта метафора всей испорченной биографии. Чернобородый мальчик лет десяти как кажется на первый взгляд.

Колинз сел на топчан и поджал ноги, держа руками колени, уставился в потолок. Никто бы не посадил сюда Колю Канибуту в десятилетнем возрасте – убоялись бы нарушения прав ребёнка. Но это минутная слабость, просто нужно время, чтобы успокоиться. Тишина в его голове длилась ровно столько, как если бы пробежала пробудившаяся кошка, зевнула и убежала.

– Колинз! – Кричали ему со двора времён 70-х, чтобы выбежала худоба черноголовая и ответила голосом пылесоса марки «Буран»: а-а-о-о-у-у-о!

– Колинз, найди червонец! – Так он отметил в памяти наступление юности.

– Ох! – Произнёс бородатый мальчик, досадуя на печальные воспоминания. Поискал по углам мышей, обознался на рваную тряпку в углу с парашей. Камера размерами просторная, партия уголовников ещё в пути, стены не покрыты наждачным слоем штукатурки. Окна пока не засижены мухами. Пора справить новоселье!

– Темницы рухнут! – Продекламировала камера. И в поддержку классических строк он ударил в обе стены изо всех сил. После чего глазок закрылся чьим-то органом зрения.

– Тихо там!

– Спасибо, друг! И то, правда, ещё обувь собью. А могут меня казнить?

– Панику не наводи, отсидишь свои пятнадцать суток и гуляй! Тоже мне Чикатило.

– Кто, я?! – Колинз лежал на кровати и очищал ноздри. Так, чтобы наблюдателю, пришлось скривиться и бороться с тошнотой. – Я украл колечко у шлюхи, а ведь она лишила меня бесценной вещи, девственности, в чём признался и расписался как дурак.

– Да плевать мне, знаешь, я не попа, я не поп. – Ответил глазок.

– Да уж, не священник. Ты палач!

– Ну, вот ещё.

– Да. Если не давать человеку есть и пить, то он умрёт от голода и жажды, ты – палач!

– Обед через час, сам лично принесу! – Возразил тот за дверью.

– А когда человека лишают свободы, дарованной ему с порога роддома, то убивают в нём личность, ты – палач!

– Ай-яяй! – Дверь открылась, производя мелодичный звук, от раздражённого напора. – Болтун-схлопотучка. Прекрати сщаз же, из-за тебя палец укалываю который раз? – В проёме мелькнуло и пропало изображение человека на табурете. Пожилого, с носком в руке и без его собрата на одной ноге.

– Унизываешь! – Сладострастно вытягивая гласные буквы произнёс Колинз.

– Не принесу я тебе обед. Скажу: номер 5253 покудова не прибыл. По обстоятельствам. А не со зла.

– Я вот тебе дам. – Приподнялся узник, изогнув шею в сторону двери.

«Наследник»

Изгнанник ушёл, наконец, с остановки. Первый же дом соблазнил его открытыми окнами. Взявшись за трубу у подъезда, он схватился за карниз и подтянулся. Семейство дружно смотрело телевидение. Там показывали, им же запрещённый фильм, на редкость интересный. Да, в оперативности главным редакторам канала не откажешь.

– А! Я уже видел! – Первый джентльмен спрыгнул вниз, держа карниз ладонями. И опустился на асфальт вместе с ним.

– Вообще не понимаю, зачем они нужны? – Он развёл руками, растерявшись. И вздрогнул на звук выдираемой из старой рамы форточки. Чёткий силуэт женской фигуры произнёс:

– А ничё, пап, это наш король. Здравствуйте, дедушка. – Нежный голос звучал романтично сквозь грубую решётку первого этажа. Люди ставили их на последние деньги, боясь краж. Она приветственно машет рукой.

– Нужны они кому-то. – Возопил «дедушка» так громко, что затрещали рамы по всему дому. Высунувшиеся граждане моей республики отреагировали на знакомые ноты голоса.

– Правильно! – Поддержала баба Настя, назло деду переключившая на «Парламентский час». – Бездельники! Торчат там на наши деньги. Ироды!

– Ты иди, иди. – Посоветовала девушка без карниза. И он последовал её словам, а отломанную часть экстерьера кирпичной пятиэтажки прислонил к скамейке. Бесшумно и аккуратно.

«Мятежник»

Ночь была настроена мрачно. Как сорокалетняя стерва с похмелья. Носок сторожа остался незаштопанным. Лампочку задуло как свечу накануне дьявольской мессы. Ноги узника никак не могли согреться. Колинз опробовал разные способы укутывания, и завертывания, но одеяло не грело. Сколько ни топал стражник левой ногой об пол, но дырочка в носке не исчезала, сквозь неё чувствовалась наступающий ноябрь. Так он и отправился домой, ворча и проклиная всё вокруг. Лампочка на шнуре никак не могла сослаться на неудобный плафон. По неясной причине, провисев с полуночи шесть часов целой в полседьмого перегорела.

– И Луне бы ещё потухнуть! – Нарушил тишину Колинз, он был невольно оживлён вниманием с её стороны.

– Ага! Затмение не в этом году. – Не согласился тот.

– Ты откуда знаешь? – Поддел узник.

– Не тыкай, мне. А то крыс-то быстро запущу.

– Хм! – Шмыгнул носом Колинз и взялся за пальцы ног. – Крыс не боюсь. Я их съем, потому что Николаич без обеда, без ужина оставил за шутку в свой обидный адрес.

– Чё, какой ещё Николиач? – Молодой мускулистый парень, сменщик, заинтересовался.

– Дневальный. При ком он палачом состоит? При Николае Первом. Чей ещё-то? Николаич.

– Ты почему первый? Это я тут первый. А ты по списку что ли?

– В этом корпусе я самый первый во всём, то есть по всему.

– Придурок. Ты по морде сейчас последний в жизни раз схлопочешь и наследников не оставишь, понял, нет? – Много чего вертелось на языке Колинза, если бы стражник не склонился к самому уху. Наутро в камеру водрузили печку-буржуйку.

– Ради одного полумесяца окаянного никто тебе весь корпус топить не собирается. – Заявил дневальный.

– Я ведь и сбежать могу в суматохе. – Выдал свои мысли узник. На это был ответом тяжёлый взгляд сома.

– Тихо там, гаагская жертва! – Лучше бы не видеть жутких морщин на всё лицо от улыбки.

Потрескивая и коптя стену, печка раскалила докрасна свои внутренности. Но это никак не повлияло на одеяло.

«Наследник»

– Вот вы и показали своё истинное лицо! – Плаксиво крикнул бывший Первый джентльмен. Он успел отойти от места происшествия далеко, дома на два. – Вам плевать на монархию. Вы равнодушны ко всей вашей жизни, кроме еды и тряпок! – С балкона второго этажа послышался прокуренный гогот и смакующий Байрона голос:

– И крики шлюх ночной порой, Британия, ткут саван твой. – От неожиданности король споткнулся о камень, но удержал равновесие.

– Мяу. – Негромко раздалось за его спиной.

– Уйди! Вон! Брысь!

– Чего орёшь на моё животное? – Тщательно выбритое лицо, явно южного происхождения сверху вниз и обратно оглядело кричавшего.

– Отвяжитесь, денег у меня нет. – Он немного подумал и продолжил. – На всякие глупости. – Но должного эффекта не достиг.

– А на что есть? – Спокойно поинтересовался защитник животного.

– На паспорт. – Ответил король храбро. – Нового образца.

– Ну. – Собеседник явно отдавал инициативу.

ПАРАЛЛЕЛЬ

Ты скажи, ты скажи, чё-те надо, чё-те надо, может дам, может дам, чё ты хошь. (Поп-музыка времён 90-х.)

– Социальный номер, удостоверение пенсионера, и ордер на квартиру.

– Ну. – Мнимый владелец котёнка надеялся, что этот пожилой мужчина не двойник и не обитатель психбольницы.

– Столько хватит? – Небрежно начертал он в чековой книжке.
– Пошли, мой хороший.

«Мятежник»

В конце концов, темпераментная чугунная особа наскучила субтильному бородачу, и он лёг отсыпаться. Дырка в носке была заштопана. Как говорили в девяностые по телевизору после полуночи – а на сегодня новостей у нас больше нет.

«Культура» (Народное название – Тилигенция)

Ах, что за слово «республика!» Нет, оно значит много, это чушь, будто одно слово не имеет цены. Оно ёмкое красно-червонное, червонно-золотое, чистое золото! Свобода. Иметь, уметь, говорить, делать, знать и всё то же самое с частицей «не». По своему выбору. Сколько нужно свободы? Столько же, сколько и звёзд в космосе, столько же, сколько воды в море, столько, сколько воздуха. Ты скучаешь по кандалам? Боишься своего внутреннего дьявола?

Ах, что за слово «империя»!

«Двое»

Канал показывает молодые годы Великой Октябрьской Революции в Моей Республике.

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ
– Двое. Двое связаны общей любовью, Сохраняя её до седин. Двое.
Но становится счастье бедою, если болен любовью один.
(Песня из репертуара Валерия Леонтьева.)

Честно говоря, они просто не подходили друг другу. Но романтическим языком, (как пишут на публичных страницах социальных сетей сейчас – самостоятельно сбывающееся пророчество) она жила в ожидании потери. Случиться может всякое: уедет по делам в недостижимую даль; умрёт о сифилиса или СПИДа; и жениться может, наконец. А ведь как пошла бы ему старая мамина соломенная шляпа. И, если совсем уж мечтать, ковбойское сомбреро! Они бы вместе снимали кино, пели эстрадные песни и ездили в туры по стране.

«Мятежник»

Наутро в комнате с музыкально одарённой дверью тюремного корпуса раздался скрежет и лязг. Колинз соскочил с топчана и присел рядом с Николаичем, совком выгребающим уголь и золу из печки.

– Страму-то, ваше беспородие, штаны бы одел.

– Это ромашки без стыда выставляют пестики наружу. А чё это ты делаешь?

– Не видишь? Уголёк выгребаю. Чтобы не угореть с тобой на пару. На свою-то чёрную головню погляди-к. – Николаич вынул из кармана кусок разбитого зеркала по краям обклеенного бумагой. Колинзу стало смешно.

– Чего ты теряешься, Николаич? Покрасишь волосы. Считай, даровое омоложение.

– «Ящерице не нужна расчёска». – Колинз прищурился на стражника, цитировавшего мало читаемую книгу «История с узелками» Льюиса Кэрола. – облысел совсем, нечего молодить.

ПАРАЛЛЕЛЬ
Привет, с вами Александр Шаталов, вы смотрите передачу о книгах «Графоман».

– Извини. – Узник признал за собой бестактность. – Не замечал. В ответ он услышал более жёсткие звуки из печи. – А можно мне, уголька оставить, ваше скрыто обстоятельство?

– Голых баб малевать, страмник мелкохулиганистый?

– Нет. – От негодования у парня свело скулу. – Оставь и всё. Или не оставь. – Дневальный, без слов отсыпал в угол три совка угля и вышел за веником.

Пока он ходил, тот натянул джинсы, ботинки и рубашку. Сел на постель и вперил немигающий взгляд в цементированную стену. Через пять минут он выбрал из кучи самый крупный кусочек угля и начал с нескольких чёрточек. Законченный шедевр представлял собой грустную мордочку в духе Диснея.

Довольный результатом начинающий художник раскрошил остатки угля в пальцах и сдул одним духом. Полагалось теперь сесть в позу лотоса, вперить взор в образ, пока не почувствуешь раздвоение в глазах. Потому что хорошо начертанный знак суть ключ в потусторонние миры, но научно это не доказано. Поэтому спародировав статую Будды несколько минут, он лёг на топчан, закинув локти вверх, и прикрыл веки. Отдых прервался открывшейся дверью, из коридора донеслось гулкое эхо диалога.

– А как же. Я тебе покажу. Да, да-да, иди хозяину жалуйся. – В ответ диссонансом звучало мяуканье.

– Веник кот обгадил, извини, ваше беспородие. – Вошёл стражник, пускаясь в разъяснения. Держа в руках цинковое кривое ведро. – Кот, говорю, начальника тюрьмы животное. Сущий питонец он, а не питомец. Людей за шею хватает как крыс. А веник вот уже третий сменил.

– Мерзость. – Оценил творец мордочки ситуацию. Оценка вывалилась из его рта как пересоленая прогорклая каша.

– А ругаться, между всем остальным, строго воспрещается! – Выдал Николаич строгое предписание с законным возмущением. Уклоняясь от принятия оскорбления тем, что применил совок как веник, загребая им золу в опрокинутое набок ведро. Успокоившись немного, он обратил внимание на стену подведомственной территории.

– Чего намалевал?! А-а, инфантилизм-примитивизм?!

– Примитив, когда много цветов и все из тюбика. А здесь чёрный уголь и серый фон. Строгая графика.

ПАРАЛЛЕЛЬ
Есть два цвета: чёрный и белый, а есть оттенки, которых больше…
(Стихи Виктора Цоя.)

– Ух ты, губки надула. Красавица, а?
– Уйди, Николаич, в туман. Не хочу я тебя видеть.
– Шапку я себе купил. Взгляни?
– Мне купил?!
– Тебе. Грубиян, полумесяц окаянный! – Колинз получил щелчок по лбу.

«Двое»

Они часто ссорились прямо с порога квартиры. Потому что он долго открывал дверь. Её серые глаза сердито сыпали искры сильнее подъездной лампочки. Он, шутя, говорил ей: «Это из-за тебя приходится их вставлять так часто». Был способ ускорить процесс ожидания.

Скрести своим неподходящим ключом в замочной скважине, имитируя действия домушников. Минусом его являлась раздражённая физиономия, не сразу сменяющаяся на привычное выражение.

«Культура» (Народное название – Тилигенция)

Досужие люди с высшим образованием обсуждали вопрос судебного заседания на этом канале. На ход решения судьи это никак не влияло, а если такое случалось, то некоторых находили мёртвыми, а других в тюрьме или психиатрической лечебнице. Их общее мнение, к концу передачи свелось к следующему. Революция никак не могла съесть своего ребёнка. Поскольку её розовый рассвет всегда гаснет в процессе родов. И это грустно, ведь народ любит её как сказочную фею. Но в описываемые времена она сама только младенец. Окружающие улыбаются, сюсюкают, целуют, и ждут много. Это давно замеченный парадокс: падшие глубоко люди тянутся неодолимой силой к невинности.

«Наследник»

Мы видим первого джентльмена уже спящим, руки и ноги его слегка дрожат, но он безмятежен, как будто родился неделю назад. Ничто не отягощает его совести, так можно подумать. Если не быть автором посмертной биографии и заодно бывшим охранником. Все мы узники, у каждого есть свой надзиратель, и неугасимый светильник.

Но вот сон сам собой перерождается. Теперь он такой, что в зарубежном фильме тех лет «Пси-фактор», назвали навязанным. От него нельзя проснуться, даже если кричать, говорить, да и не важно, не получится. Ах! После ожерелья лучших бутылок бургундских вин приносят ещё шампанское из предместья. Закуской к ним шикарные лобстеры. Ах! Салоны люкс правительственных машин, в которые садятся юные дамы в соболях. Как на качелях эти междометия, кружится голова. Ах! И сон улетучивается со скоростью капли спирта.

– Беспартийный В. В., на учёте не состоял, призывался на действительную военную службу, имеет бланки и удостоверение. Это ты, понятно?

– Почему? – Бывший первый джентльмен едва пришёл в себя.

– Соображай, по паспорту. Когда мы вот этой кочергой от камина дали тебе отдохнуть.

– Здорово работаете. Как после оздоровительных процедур.

– И хотели ещё, чтобы вовсе прибить. Я решил, что ты ещё пригодишься. Ты соображай, а? Я – понял!

– Какая фамилия ду… ненатуральная. – По ходу фразы он высморкался и вытер слёзы в платок.

– Чё? – Бандит сунул документы под нос. – По-твоему раз человека ушибли вовсе, то его и не было? Никто не вспомнит, ни одной бумажки не останется. Хренов диктатурен.

– Вы? – Стрельнул глазами пожилой мужчина.

– Дело шьёшь? – Поинтересовался южанин после подтверждающего кивка.

– Нет, я говорю, увы, но я вынужден, учитывая обстановку в стране.

– Перестановку, говоришь. А! Увы! – Распутал его фразу собеседник. – Жалко, конечно, человека. Хотя, чё его жалеть, алкоголика? – Пробормотал он, уже идя к выходу.

Первый джентльмен потряс головой в надежде стать храбрее. Но это не помогло. Потёр ушибленный затылок. Встал с расстеленного на ночь ковра. Со столика в углу взял бутылку портвейна и в левую руку откусанный кусок батона, выпачканный красной икрой. Какие теперь церемонии.

«Двое»

Даже болтая на диване о всякой всячине, они ссорились. Из-за её болтовни, из-за его сарказма. Он шепнул ей на ушко с золотой серёжкой: «Тебе бы художником родится». Хотя они вместе учились в художественной школе.

– Да видно не судьба. Чёрное пианино не вписывается интерьер твоей комнаты позднего советского периода. Обои цвета списанной литературы, мебель тона скисшей клубники. Вот если бы каким-то чудом поставить старинный клавесин, такой с причудливой резьбой, чтобы сохранился натуральный цвет дерева. Жаль органчик не влезет. – Он молчал.

– Смотри, обложка как у старинного фолианта, только лапки-застёжки не хватает. – Никакого ответа.

– Кошку твою откормить как корову и плавать выучить. – Удалось зацепить за живое.

– Фантастика. А что в этом хорошего?

– Ха-ха-ха! На Амазонке плавает чёрно-белое животное, почти бегемот, сапгир называется.

– Не помню.

– Ну и что? А оно есть.

«Мятежник»

После прогулки, Николай Канибута подхватил прозвище от уголовников «Ныч», послали на обязательные работы. Первый снег на воротах лёг толстыми слоями. Он подошёл к замку с цепями, крепко схватился за него и встряхнул от души. Задание выполнено, выпросил сигарету у охранника, стоявшего у ворот снаружи, прикурил. Спросил, когда будут свидания.

– Завтра. – Никак не дождёшься, что ли? Ты же полумесяц, как там говорят, верно?

Потом ему вручили лопату, чтобы легла ровная дорожка из воли в корпус. Холодок бежал за ворот.

Ночь в камере выдалась полезной для здоровья и очень короткой. После завтрака и работ Колинз уже сидел, любуясь испорченной стенкой. Жевал с аппетитом пастилу, купленную на базаре и принесённую мамой. Печка горела ровно, перестала навязчиво трещать внутренностями. Температура внутри поддерживалась на уровне улицы.

Колинз сбросил липкое одеяло и добавил новую картинку. Толстый морж на санках погонял в упряжке весёлого жителя Чукотского автономного округа. Несколькими штрихами вокруг он обозначил быстрый рост снежного покрова. Просторы камеры могли вместить ещё несколько уникальных рисунка. Николаич с радостью сообщил, что три последних дня срока узник своими руками приведёт помещение обратно в божеский вид.

Через пять дней бородатый мальчик испытал катарсис. Два совка с горкой ушло. Перемазался весь, костяшки пальцев покарябал, а зато портрет достойный. Старое, благонамеренное лицо с бородавкой, при кепи с привешенной на губу дымящейся папиросой.

– Где же ты такую образину выкопал, а Ныч? – Вопрос был похож на тот, который задают журналисту в неформальных интервью. Для ушей Колинза, по крайней мере.

– Чё-то и я думаю, где мог его видеть раньше?

До самых потёмок обсуждали, но не вспомнили. А утром шестого дня притащили телевизор.

«Двое»

От мужского лица. Болит. Опять по заведённому сценарию с понедельника на пятницу. Голова уже пухнет. По дому у неё бегает братишка младший, белобрысый. И вот чем кончилась защита милейшего создания от криков и шлепков, за пролитую тушь на покрашенный и высохший только-только подоконник.

– Так, ага, явное предпочтение блондинок! О, джентльмены! Это твоя защита неспроста. Вымажу горшок Белобрысика изнутри гудроном, подарю на день рожденья и снаружи красным подпись «цилиндр». И сердечко! – Тряпка посудная чуть не повредила глаз.

– Дичь какая! – Нашёл какие-то слова в ответ. Тут же, не сходя с места, были перечислены все известные миру женщины, окрашенные и рождённые со светлыми волосами. Их дурные привычки, капризы и скрытые недостатки. Моя улыбка снисхождения спустила лавину новых эмоций. Она вновь подыскивала мне жену среди круга общих знакомых.

О взаимной любви

Всё дело, я тебе объясню, только в этом.
Я хочу с тобой жарким летом убивать комаров.
Потому что уже готов
Делить этот грех с тобой.
Всё дело, я тебе объясню, только в снеге,
Только в его очень быстром беге,
Я хочу переждать этот символ смерти
Вместе с тобой.

Всё дело, я тебе объясню, если можно:
Вечной радости быть не может.
И если плакать ты любишь одна,
Спрячусь я рядом.
И холодна будет твоя щека
Радостно губ моих ждать.
Всё это стоит того,
Чтобы тебя прощать.

Часть 2

«24-ая квартира»

На работу утром поднималась почти вся семья. А девочка с косичками вставала в школу. Шесть дней в неделю кроме воскресенья. После работы маму носило по магазинам, папа был на работе. Мама с недоверием встречала его вечером привычной фразой: «ты всегда так говоришь». Девочка Катя в это время делала уроки. Застать их всех вместе в однокомнатной квартире можно было с 21.00 до 6.00. Такие ответы нашла она на анкету в школе. Что любит папа? Смотреть новости, а мама бегает с кухни в зал или ванную, моет посуду.

Двойки, полученные накануне выходного дня, карались строго. А те, что обнаруживались с понедельника по среду, почему-то нет. Школьный дневник жил в двух режимах: или он прятался от всех в книгах или диване, или танцевал перед лицом папы, украшенный красным росчерком учительницы.

Папа и мама считали себя монархистами. Мама придерживалась больше партии консерваторов, или тетчеристов. Но когда Катенька перешла в третий класс произошла революция. И родители, как и все порядочные люди вокруг, стали анархистами. В семье наметился политический раскол. Перевешивала партия родителей, но всего на один голос (учитывалось в любом исходе). Катя знала, что как ни называй страну и государственный строй, а всегда есть главное место. И его по идее смены режима может занять любой гражданин. А значит, она вправе мечтать о титуле императрицы.

«Двое»

Поцелуев, кажется, не будет сегодня, даже не обнялись на прощанье. Голова гудит, разрывает как зенитную установку. Мигрень, что ли? Кто-то из-за неё стрелялся, идиот. А таблетку в аптеке не пойду покупать, так и сказать что ли девушке за стеклом: «Она меня достала, дайте лекарство»? Новости после полуночи смотрел, «Плейбой» смотрел, опять выпуск новостей. Поэтому и сон, наверное, такой с заскоками и причудами. А все теперь немного того стали, хотя свою пользу хорошо секут.

Телевизор надо меньше смотреть. Меньше глаза портишь – больше по радио услышишь, меньше по радио услышишь – из книг больше вычитаешь, без книг – у людей узнаешь ещё подробнее с опорой на жизненный опыт. Разумные доводы, но силы воли нипочём не хватит.

ПАРАЛЛЕЛЬ

В более интегрированной среде нет места подобным суевериям, их убивает ирония; но в отгороженных клочках земли они глубоко пускают корни и произрастают.

(Клиффорд Саймак «Круг замкнулся»).

Однажды вообще сон был. Картонные огромные фигуры на экране. Маски-шоу, аналитик и целитель. Диктор, в костюме дикой расцветки читает текст новостей. А рядом в окошке силуэты мелькают, такие узнаваемые, кого в профиль вся республика сходу назовёт, а кого по прикрытой лысине даже.

«Наследник»

ПАРАЛЛЕЛЬ

Законный наследник или наследник закона?
(Мысли в голове автора).

Короля звали теперь Варфоломей Васильевич. В этом статусе он выпил и закусил остатками и, зевая, побрёл вдоль коридора прихожей. Пощупал декоративные шторы до пола с лицом иностранного поэта Маяковски, батик, сделаны на заказ. Ноги в красных детских тапочках в форме собаки запутались в них. Походкой алкоголика он из них выпутался, глядя под ноги, и неожиданно ткнул носом в подбородок человека с оружием.

– Вам дальше не полагается. – Сдержав стон, предупредил тот.

– А-а-а! Я понял всё! – Сделав пируэт, он сел на пол. В каждой руке как у клоуна торчала мягкая меховая обувь. – Я всё разобрал. Тапки внизу очень толстые. А я так и не подрос – приземистый толстячок, не так ли?

– Вам нельзя выходить, у каждой двери есть такие как я. – Оружие парень убрал за спину.

– А такие особы, как я? У каждой?

– Не могу вам так сразу ответить. Но приказ мне дали – не выпускать.

Беспартийный поплыл на четвереньках к другим дверям, освободил руки, запустив тапки в лицо поэта. Поплавал так, протирая отвисший живот, и утомился, уснул рядом с телевизором.

Вернувшийся южанин, фамилия которого была Ачтояахренелчтолишвили, проорал:

– Так! – На лице Маяковски остался пыльный отпечаток.

– Я его задержал при попытке к бегству, господин.

– Молодец, Бакс, вольно. – Иронично ответил он. Прошествовал к креслу в темноте. Сидя выключил телевизор, стереосистему, компьютер. Встал, врубил выключатель. Приказным тоном произнёс.

– Встать, пожалуйста, хрен придорожный. – Варфоломей с хитрецой открыл левый глаз, но не шевельнул больше никаким членом. – Ну что захмелел, скотина, за мой счёт, так?

– Я заплачу.

– Не надо. – Ачтояахренелчтолишвили обернулся, продолжая говорить в лицо Бакса. – У меня их хватает. Кадров квалифицированных мало. Культовых. Отработай, и найдём тему для разговора. – Васильич хлопнул по набитым карманам.

– Почему? Здесь валюта.

– А я патриот, по-ял? Иначе мыслить будешь тут, а жрать и греться в мечтах, так что выбирай.

– Тогда я согласен на переговоры.

– Вот и сиди. – Хозяин нажал кнопку проигрывателя компакт-дисков с записью Шопена. Потом он полил камин каплями из бутылок со столика и поджёг в нём наугад вытащенный с полки том собрания сочинений великого зарубежного графомана всех времён и народов В. И. Ленина. И ушёл, широко шагая в соседнюю комнату.

Крепился бывший король несколько дней. Подбородком он ложился на дверную цепочку и провожал глазами выходившую группу. Каждый из них что-то откусывал на ходу. Дверь защёлкивалась на замок.

– Я бы сейчас министра иностранных дел после пресс-конференции съел бы с перцем и кетчупом.

– Я бы тебя гвоздём в макушку угостил, если бы не приказ.

– Холоп!

– Не обзывайся. А то по шее получишь.

– Сил нет, а то задушил бы этими руками.

– То-то и оно.

На седьмой день, ни мало не похудевший (но оголодавший) гражданин Беспартийный вышел на дело, тщательно загримированный.

«Двое»

Продолжение кошмарного сна. Яркое пятно на воображаемом экране, состоящее из красных взрывов в обрамлении чёрных дымов. Крики и визг, очень похожие на те, что за окном. Кулуары жирных ёмких представителей нищего населения уступают этому зрелищу.

Война предоставляет уникальную возможность дорого продать своё тело. Странная выходит сделка. Ты ломаешь конечности, шею и пробиваешь голову кого-либо, объявленного врагом страны. И тебе тоже. Нового комплекта костей и мышц и мозгов не выдадут. Морально ты вроде бы обогащаешься приобщением к величию державы, отправляясь воевать за него на чужую землю. То есть ни за что, из страха перед властью и преклонения перед древним культом бога войны.

Кто это так любит рядиться в тогу исповедника, доспехи рыцаря чести, юбки домохозяек, свитер «рядового человека», резиновые сапоги колхозника перед публикой? Правильно, как бы они могли говорить прямо и от себя. «Я, человек, окончивший финансово-менеджерские курсы, занимавший такие-то руководящие посты, по протекции такого-то, представитель блока такой-то партии». В качестве дополнительной информации поимённый список его избирателей. Нет, заседания и без того нудные. Лучше пусть председатель Думы оглашает это всё, пока он идёт до микрофона полчаса.

Вы спросите, каким образом перед заседанием собрать информацию. А толпа личных помощников, а компьютеры, а личный увесистый опыт. Без такого многолетнего стажа в моей республике нельзя претендовать на командную должность.

Время – река, несёт с собой не только хорошее. Всем известно, как за десятки лет в чердаках и дачах, в куче сваленного хлама заводится моль.

«Война»
Как моль является в ночи слепая тень оглохшей кошки.
Кончай терзать себя, кричи, увидев сверху тени рожки.
Когда ещё не веришь смерти,
На небе солнце – так должно быть!
В тени кустов таятся черти,
ты «красишь» грифелем свой ноготь.

Восторг приходит к гордецу, что он под плётками исторг.
По искажённому лицу струится ядовитый пот.
А рядом тень ослепшей твари,
её на клочья изодрали, вчера ещё не зашивали,
И потому сочли погибшей.
Но я так думаю, едва ли затихнет стон её осипший.
Ослепшая она найдёт, оглохшая на зов придёт.
Как моль невидимо сгрызает и никогда не умирает.

И будет некого винить, когда явится тень от кошки.
Но крикнуть надо, не забыть, увидев сверху тени – рожки.

«Мятежник»

Маленький, переносной, но очень хорошо показывающий телевизор занял весь досуг Колинза, и Николаич очень ему завидовал. Седьмой день, половину срока отбывания, узник решил отпраздновать. Заказал принести (и пронесли) бутылку шампанского и закуску, какая будет. В подарок старику ошейник для кота начальника. Повеселились. Вечером дневальный занёс дополнительное одеяло. «Видимо, кто из новоприехавших уголовников отправился в ад» – подумал Колинз, не предполагая благодарности в сердце тюремщика.

Ночью снился универмаг. Отдел шапок и шляп. Знакомые министры и премьеры отталкивали друг друга и мерили разные фасоны головных уборов на его голову. Особенно весело было, когда от чрезмерных стараний пиджачных помощников шея выкрутилась вон, как будто была сделана из пластилина.

Он проснулся взбудораженным и сильно лохматым. Долго умывался и чистил зубы. После чего сел на кровать, пульнул подушку в стену напротив, свернул одеяло в тугой рулет, а из простыни смастерил огромного зайца. Топчан придвинул поближе к печке-буржуйке, устроившись с максимальным комфортом, начал водить ручкой по листам бумаги. Но всё прервалось бренчанием двери. Камеру заполнила собой компания из девяти человек.

– Мы правозащитная организация, и мы считаем, что вас, гражданин Канибута, держат здесь без оснований. И напрасно вас держат в новом корпусе с уголовным уклоном, это противозаконно. – Полная женщина, состояние волос которой, сильно напоминало голову узника, говорила громко и уверенно. Смущаясь своего вида, гражданин оделся и успел взять в руку расчёску.

– Не беспокойтесь. – Остановила его порыв юная подкрашенная умело девушка с причёской каре. Рука его дрогнула и даже провести по волосам не смогла.

– Да, – Согласилась первая, обращаясь к девушке. А потом повторила её слова в его лицо. – Не беспокойтесь

– Прошу садится. – Втроём они поместились на рулете с воздушной прослойкой из одеяла. Остались стоять семеро мило улыбавшихся незнакомых ребят. Один из них выделялся прыщавым лицом, а худенькая безвкусно накрашенная барышня подмигиванием.

– В чём вас обвиняют? – Вежливая девушка навострила хорошенькую ручку. Долго они беседовали, со стенографией и репортажной съемкой. После их ухода бородатый мальчик попросил у стражника таблетку от головной боли.

На девятый день, особо не напрягая воображение, Колинз все свои угольные припасы потратил на изображение своего идеала женской красоты в прозрачной чёрной накидке в полный рост.

«Двое»

Он писал ей поэмы, сочинял стихи, читал чужие, но как последний дурак, только во сне. А в яви ему и писать-то не нравилось. Почерк был бисерный и грамота только со словарём. Кошмар, увиденный накануне, пустой, вызванный переживаниями, без сомнения. Но он мешал сидеть спокойно на одном месте и лишал вообще покоя. Хотя он и не шёл никуда. И не заходил к ней. Но она сама явилась.

– Ты не заболел? – В её голосе он услышал раскаянье.

«Двадцать четвёртая квартира»

– Нет, не понимаю я этого! – Папа выключил телевизор и лёг на кровать. – Какие же они демократические, если вот мы с тобой, нормальные, работающие граждане, не можем стать даже кандидатами?

– Остроумничаешь? Ну и глупо! – В ответ сказала жена.

– Хотя, впрочем, это же пока не президентские выборы. – Продолжил папа думать вслух.

– Хорошо прошли выборы в Ленинграде, за один голос давали двадцать пять рублей! – Процитировала новости Мама.

– Папа, а президент это самый главный в республике, да? – Прозвучал звонкий голос из детской кровати.

– Что, Катенька? Спи, правильно говоришь, правильно. – В остром политическом диалоге наступила пауза. Она намекала на часто слышимую девочкой фразу: «Дай ребёнку поспать». Тихим шёпотом они продолжили.

– А на работе говорили, что главарь у оппозиции в тюрьме сидит. Катя, спи – завтра в школу! Они ведь что пропагандируют: нужна победа демократического выбора. Так что сын Тани из 15-той квартиры скоро загремит в армию.

– Ну, это скажем, верно. – Согласился Папа.

– А будущего президента. Хм-хм! Ка-атя! Кандидатов пока скрывают вплоть до искоренения устаревшего духа монархизма.

– Мам, ты щас сказала что? Мазохизма?

– Катенька, милая, спи! Полпервого уже, слышишь, нет.

– Дочка, одобряю. Люди должны первым делом научиться уважать себя.

– Прекрати учить её глупостям.

– Папа не дурак, он – интеллигентный.

Мама сказала утром очень строгим голосом: Катя, после школы – немедленно домой. Никаких кружков, никаких внеклассных и факультативов – сразу домой. На улице много алкоголиков и всяких таких. Папе она тоже приказала: «Не подходи к митингующим, пусть сами разбираются. Подошёл – так в драки не ввязывайся. Увидишь на лестнице милиционера Орлова – поздоровайся, сосед всё-таки». Папа обещал слушаться.

Девочка с косичками пришла из школы со словами:

– Мама, я всё равно буду самая главная.

– Императрицей? В бархате и парче на всём готовом, служанки нужны? Найди-ка своего будущего муженька, где он теперь скитается. – Съехидничала в ответ та.

– Я буду женой разведчика, дипломата или консула, или советника по важным вопросам или банкира. Мне объяснили в школе, монархия не подлежит восстановлению.

– Хорошо, доченька, только расти большая.

«Двое»

– Да, – Покашлял ради достоверности. – Небольшая ангина. – Сколько она ни врала и не сочиняла, но отличать ложь от правды не разучилась.

– Пошли, вставай, у Нинки вечеринка! – С того момента кто-то крутанул шар земной с невиданным усилием. Сотворив под ногами огромную карусель. Опубликованная, изданная, вышедшая под град людской зависти любовь распустилась как домашний цветок. Вопреки крушению семьи, дали развод друг другу её родители.

Блеск глаз, широкая улыбка с острыми краями, «прикиды» и «фенечки», белые туфли вот на такой платформе. Нелепый внешний вид вызывал у него восторг. По улицам они стали

ходить в обнимку. Смеялись до того, что были рези и колики в животе. В телевизоре показывали фильмы, где пары оставались на чашечку кофе вдвоём. А этого они ещё не пробовали. Она разговаривала с ним особым тоном, срываясь на фальцет. Головные боли и ссоры прекратились.

«Наследник»

– Милиция, атас, ребята.

– Да нужен ты кому, Варфоломей Васильич. – Похлопали его по спине люди Ачтояахренелчтолишвили.

– Тихо, ребята, в таком возрасте человек тюрьмы не выдержит. – Бывший первый джентльмен дрожал при мысли о том, как он и эта гоп-компания сядут в чёрный автомобиль BMW и покатят за город. И там будут перестреливаться с конкурентами чёрного рынка. Блестящая как концертный рояль и хищная как акула, машина двигалась сзади на малой скорости. Несмотря на внешний вид, она была сопровождающим человека лоцманом.

Предводитель отряда держался поодаль от всех. Плечи его опустились, а ноги шагали широко. Сигарету он вынимал из пачки в нагрудном кармане внутри пальто, сам чиркал зажигалкой, и делал это как-то в своей манере.

ПАРАЛЛЕЛЬ
Обедневший Король, он не станет богатым лакеем.
(Передача по телевизору «Музыка, музыка…»)

Впрочем, на дефицит средств он в данный момент не жаловался и свечей в церкви ставил больше за помин души. Нагнувшись к спущенному стеклу шофёра, он пустил дымок в сторону солнца. Тихо, с расстановкой дал указание: «В три как договаривались. Деньги – будут». Автомобиль резко сорвался с места.

– Куда пойдём, мужики? – Спросил он, вручая неполную пачку одному из членов отряда.

– Налево. – Ответил один с жидкой желтоватой бородкой.

– Налево, куда все сточные воды стекаются. Пусть мазурики сворачивают. – Зло сплюнул Ачтояахренелчтолишвили.

– Вперёд! – Предложил молодой парень чуть старше двадцати лет. На его лице выделялись крупные подвижные губы.

– Впереди ждёт смерть. Все там будем.

– Что, опять в заведение, в гостях у Тамары? – Обладатель бороды скривился, как будто его угнетал моральный дух коллектива.

– Ха-ха-ха! – Главарь радовался один. Он указывал пальцем на дорожный указатель с единственным направлением.

– Как всегда по пятницам. – Сделал заказ от имени всех Ачтояахренелчтолишвили, продолжая смеяться сквозь деланный кашель.

Варфоломей Васильевич старался не смотреть по сторонам, хотел надвинуть кепку глубже, но дрожали пальцы. Он ел, ел, ел, запивал соком, отодвигал одну тарелку, пододвигал новую, и снова неудержимо поглощал пищу.

– Да, нет. Лично? Нет. Проект, да поплавай ты со своим проектом в бассейне Саддама. Лично? Да полетай ты с ним в открытом космосе. Ага, всё, разговор окончен.

– Что это за блюдо? Периодически справлялся Бывший первый джентльмен у двоих соседей по столику. У подошедшего официанта он взял ещё с подноса мороженое.

– С орехами. – Пролепетал он.

– Ну, что? – Тоном опытного конферансье спросил Ачтояахренелчтолишвили. Ответа не предполагалось. Потом сел ближе к сцене с танцовщицами, обняв спинку стула. Его глаза пристально следили за одной из них. Через некоторое время он оглянулся на новичка. Перед ним стояло ещё на полтора часа страха и еды. Поэтому он спокойно вышел в вестибюль, и оттуда в служебный вход.

– Пошли, мой хороший. – Ласково сказал Ачтояахренелчтолишвили, когда тот вычистил последнюю мисочку. – Пойдём, одни мы с тобой остались. – Промесив снежную кашу две остановки, они в обнимку вернулись на квартиру с коврами.

Сотрудничество с представителями криминальных структур пока складывалось хорошо.

«Двое»

Она увидела у него вечером на книжной полке книгу «Энциклопедия для мужчин», Москва, 1992 год. Утром, пока он спал, открыла полистать.

«Вопрос о поле и любви имеет центральное значение для всего нашего религиозно-философского и религиозно-общественного миросозерцания». На-на-на. Ещё вот тоже цитата: «… обо всём слишком интимном не принято говорить; раскрыть свою душу, обнаружить в ней то, чем она живёт, считается неприличным, почти скандальным». Этот день запомнится мне надолго. Страсть лучшее средство от скуки и одиночества. Май, ещё холодно, но скоро лето. Под простынёй я замёрзла и поставила чайник, а он пусть лежит. Кефир он не любит. А завтрак в постель, наверное, будет ждать. Творог, сметана и сахар лучше. Присела на кровать, покрылся мурашками и открыл глаза. Я вздрогнула и стала мять смесь в тарелке.

– Дай.

– Ну, на. Гадость? Не ври, вкусно и питательно.

Ложка холодная как лёд. Он терпел.

«Мятежник»

В два часа пополудни у топчана было поставлено ведро, полное извести. А тремя часами раньше, камеру нового корпуса посетили два господина респектабельного вида. Под костюмами они носили рубашки, обувь дорогая, зарубежная. Начинающий художник-самоучка связал их визит с портретом алкаша с бородавкой, венца творенья. Может быть, они потом где-то тиснут статью, что заключённые на пятнадцать суток, такие как Ныч, напрасно проводят время, а могли бы творить на пользу республики.

В бумагах из их кейса он разобрал только кое-что. Множество незнакомых значков, специальных сокращений, плохое самочувствие. В низу одного из листов померещилась неотличимая до последней палочки подпись Канибута Н. С. Но вопрос задать побоялся. Они завели разговор с Николаем Сергеевичем о временах учёбы в институте. Узник окончил консерваторию, но спорить не стал, он стеснялся говорить правду и всем рассказывал про театральный институт. Также они вели беседу о безработице, о злоключениях беспризорников, падении нравов, кино, поп-музыке и так далее.

Все трое увлечённо спорили. О Югославии речь не шла, здесь не было смежных позиций. Дверь сопроводила их уход отборным звоном и звяканьем. Николаич привёл на поводке повзрослевшего пятнистого кота по кличке Владик.

– Вискас ему не впрок. – Пожалился стражник. – Как таскал рыбу на кухне, так и в том же духе. Тебе начальство личное распоряжение передало, чтобы ты ни под каким видом стену над кроватью не белил, понял?

– Ага! – Отозвался Ныч. – Китикэт тоже понос даёт?

– Тоже, бедный ты мой. Ну, идём, я тебе яичков сварю. – Кот как будто понял и рванул к выходу.

– Ойх! – Бородатый мальчик, никак не больше десяти лет на вид, взял в руки кисть, окунув её в извёстку. Устал, лёг, не помня во сколько, не раздеваясь. Всю ночь живое тело дышало рядом и щекотало нос.

– Выгнал кота, ваше беспородие, нахлебником обозвал и тюремной крысой.

– Злой, злой. – Усмехнулся тот, намыливая вторую половину стены.

– Мало сказать, недобрый. Он ещё и зажиточный.

– Старый, что ли? Зажился?

– Да ну, тебя. Дочка у него, правда, уже взрослая. Длинноногая девица с пунцовыми губами.

– Марципановая принцесса? – Колинз подмигнул Владику, который раскинулся на одеяле начальник тюрьмы на озере.

– Да, не очень-то. Не сказал бы. Ну, как сейчас модно.

– И откуда же ты, дед про моду узнал?

– Телевизор твой слушаю, вот.

«Двое»

Подскочил на кровати от неожиданности:

– Точно? А когда?

– Через четыре месяца.

– Ой, только не надо этой умилительной материнской улыбки.

– Ну и что. Зато буду прогрессировать в глупости, а, значит,

буду всё счастливее и счастливее.

– Нельзя прогрессировать в глупости. Точнее сказать, регрессировать.

– Умник.

– Молочная ты будешь как корова. – Он, дразня, наставил себе рожки.

Была новая причина болеть голове. Но время они проводили вместе. Он внимательно слушал, как она читает потолку длинные сказки. С закрытыми глазами. Гораздо лучше, альтернатива ночным кошмарам.

Сказка первая.

В городе Одри жили люди, за плечами которых росли наросты четырёх цветов: белые, розовые, зелёные и чёрные. Их размер зависел от уровня самолюбия, у кого-то она волочились как мантия, а у немногих взрослых достигали размерами капюшона. В специальных мастерских ставили два штампа. «Без проблем» для обладателей не слишком длинных наростов. «Осторожно, не наступать и не теребить – моё» тем, кто часто страдал от прохожих.

В городе Одри не было никогда правителя, и порядка тоже, даже капюшонного. Но вот родился мутант, мальчик без заплечного органа, и со временем стал в нём мэром. Заняв главный пост, он попросил сделать статистические расчёты. И выяснилось, что самолюбия жителей – главная их беда. Больницы переполнялись горожанами с наростом, отдавленным в очереди. Один пил лекарства от расстройства, что его самолюбие изношено. А второй участник опроса, потому что оно утратило первоначальный цвет, у третьего оно было продырявлено. Как извлечь из вычислений выгоду казне. Он позвал палача и приказал отрубить и высушить их поголовно. Полученный материал нарезали и разложили по цветам в самом большом доме. Розовый прямоугольник имел самую высокую ценность, а чёрных вышло много, поэтому достоинство их стало номинальным. То есть самым низким.

Ввели процедуру обрезания по достижении 18-ти лет. В результате, имущество города Одри стало распределяться более равномерно. А люди, переставшие болезненно любить себя стали самоотверженны и прагматичны.

– Может и стали, но как быть с изречением: «Полюби ближнего, как самого себя»?
– Ты не спишь?
– Нет, вот они перестали любить себя, и других тоже, что ли?
– Я другую сказку расскажу.

Сказка вторая.

В одной удалённой от нас звёздной системе, было всё не так. Они отстали в своём развитии. Поэтому они нам и не звонят по сотовой связи. А если бы и смогли, так мы бы и не поняли, так как речь их была слишком бессвязна.

Одно было схожее и у нас и у них, по данным радаров службы 1.001 – индульгенции. Иные цивилы, почему-то называли свои кредитные карточки индульками. Чтобы воспользоваться такой формой оплаты, нужно было ткнуть в неё сложенными втрое пальцами. Слой эмали, нанесённый на них печатным способом, из-за такого неуважительного названия немного потрескался. Выдавали их в обмен на грехи или за имущество. Нужно было предоставить церковному ведомству наловую деклорафию с указанием наличия того и другого, либо чего-то одного.

Известен в этой системе один мутарь. Прославился он как висельник-пират, наркобарон, крадоцыган, мафиози и рабовладелец. Мало того, лицемер. Бил и увечил те лица, в коих мнилось ему выражение страха. Мерзавец этот состарился, посчитал грубо свои средства, понял, прожить их все не успеет и решил обменять их на сумку индулек. Он ещё не успел рассортировать содержимое её по цвету разводов, как пришло на виллу уведомление от правительства. Краткий пересказ из уст мафиози полученной бумаги звучал: «Хо стать Лутиманским Гуру?». Согласился.

Наложил на себя дополнительные полномочия (мог он и до того что хотел) и залез в первую же драку на улице близ Лутинама. Так и повелось – или кулак из окна покажет, или поймает прохожего и на лбу химическим карандашом выводит ГУРУ. Объяснял он свои пристрастия так: «не могу спокойно глядеть, как люди носят взаимные увечья».

Историки и современники отмечали, да он слегка страдал манией величия, да у него водились крупные деньги, что ещё, опытный стратег. И всё-таки, многие в эпоху его правления знали секрет идеального убийства. Надоедливых соседей, выскочек и всяких таких.

«Двадцать четвёртая квартира»

– Мама, наш Батон вчера с митинга не вернулся.
– Батон? Какой ещё батон? – Переспросила Мама рассеяно.
– Ой, да Женька Палисадников. Взрослый из третьего подъезда. – Мама Кати прикрыла рот сжатым кулаком.
– А! Женька. Недавно женился и на тебе.
– Не недавно. У него сынишке уже четыре года.
– Бедный парень, матери-то каково.
– Мама, а может, он из дома убежал, а после вернётся?
– Катя, не нервничай. Может быть.

Принёс Папа в дипломате какие-то газеты, и они с мамой закрыли дверь на кухню. Катя постояла, но ничего не разобрала ни на слух, ни сквозь цветные стёкла. Она оделась и вышла

на улицу. На скамейке сидели три пацана и Лена Кудрявцева, и она тоже стала громко свистеть и плеваться семечками.

– Кто со мной в соседний двор, там наркоман на скамейке?

– Где?

«Наследник»

Варфоломей Васильевич открыл глаза и радостно потянулся: на столике дожидался завтрак с горячим чаем. Покончив с ним, он вспомнил дворцовые шалости: пожелал навестить каждого своего охранника и пожать руку со словами, какое сего дня доброе утро. Но пробуждение состоялось поздно, шла смена караула, над незнакомцами издеваться он опасался.

Приоткрыв штору единственного зарешёченного окна, бывший король увидел под фонарём миловидную девушку. Её обнимал первый, не пустивший его охранник, с глуповато нежным выражением лица. Полтора часа неподвижно наблюдал он эту сцену.

Только теперь до него дошло происходящее. В его стране произошёл переворот. Заговор против главы государства. Его ненавидели, боялись, как так он пропустил слова Ачтояахренелчтолишвили: «Диктатор хренов»! Законного наследника. Революция, мятеж, и надо же, именно в годы его правления. Вечером он, волнуясь, попросил главаря сидящего напротив:

– Вы должны рассказать, очень прошу, что делается на улицах.

– Что делается? – Тот отвечал, загибая пальцы. – Народ веселится: смотрит манифестации по телевизору, разглядывает карикатуры на вас и выпивает. Новый временный комитет организует сборища, картинки печатает еженедельник «Собутыльник». Что вы переживаете за народ. Он-то ведь вами. – Беспартийный перебил.

– Нет, я хочу знать, следующее. Что подтолкнуло людей к свержению моего режима? Что конкретно, может, окружение моё? Я не проводил репрессий, я никого не казнил по своей прихоти, я готовил конституционную монархию.

– Ну почему вы никак не хотите успокоиться. Скажите, может, *вы*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.